

Л.М. ДАМЕШЕК

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС АЗИАТСКОЙ РОССИИ

История генерал-губернаторской власти в России своими корнями уходит в петровскую эпоху, к периоду империи. Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с именем императрицы Екатерины II.

Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно. Потенциальный генерал-губернатор был, как правило, лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии. Немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся представителем самого императора в конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на протяжении двухсот лет существования генерал-губернаторской власти.

В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае». Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) приобрела «особый характер политической власти». Генерал-губернаторская власть не прижилась в европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии: Сибирские, Оренбургская, Кавказская, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным и конфессиональным колоритом.

Что же собой представляла эта верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Этот показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917) — 6 лет, в Туркестанском (1867–1917) он был несколько ниже — 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе — 6 лет, в Финляндии — 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, К.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири — Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882), И.И. Воронцова — Дашкова на Кавказе (1905–1916), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 г.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меньшикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854) Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3 и 2 классу «Табели о рангах». Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет — двое, от 40 до 50 лет — шестеро, от 50 до 60 — девять и старше 60 лет — трое. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше — 53 года. Эти цифры вполне соотносятся с общероссийскими показателями.

Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: Сулима в 1834 г. был

переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волыньским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич — в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет — 9 человек, Сенат — 3 человека или в иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах.

Генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Так, например, первый западно-сибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2 и 3 степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его преемник на этом же посту И.А. Вельяминов (1827–1834) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири Н.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, в Кенигсберге, Дрездене, Лейпциге, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3 степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галерее героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804–1805 гг. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., в сражении под Рущуком в Молдавии в 1810 г.; В.Я. Руперт участвовал в русско-турецкой

войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките.

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее, назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники, и до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был Нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы азиатской России, — это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах, с одной стороны, и невозможности детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга — с другой. Некоторые из них своей предшественницей

службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX–начала XX вв. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А.П. Игнатъев и П.А. Фредерикс, в Западной Сибири — Г.Х. Гасфорд. Аналогичная картина наблюдается и в соседнем Приамурском генерал-губернаторстве.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатъев, Кутайсов) и баронским (Фредерике) родам, а пятый — Н.Н. Муравьев-Амурский получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23%. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерике и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев — придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека — Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатъев — были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое — Лавинский, Сулима, Горчаков — получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII–начале XIX вв. К нему не следует относиться скептически, хотя оно уступало систематическому курсу гимназий. Многое здесь зависело от подбора учителя и программы обучения, составлявшейся, как правило, индивидуально.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовало православие. Другие конфессии, например, католицизм или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX вв. не было редкостью. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалованья по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставление им, как гражданским, так и военным губернаторам, служебных апартаментов. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии знаменитым «Белым домом». После перенесения столицы Западно-Сибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск, там в 50-х гг. XIX в. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать одно уточнение, касающееся статьи «жалованье» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалованье сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 р. в год, 12 000 р. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более 22 000 тыс. р. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалованье подчиненных генерал-губернатора. Однако на практике жалованье по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т.е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И.Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. р. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату дол-

га. В 1837 г. В.Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 000 р. на уплату долгов и еще 10 000 для проезда в Иркутск. М.С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 000 р. Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 р. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше — 23 000 р. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалованья по чину 1394 р. 25 к., жалованья по званию генерал-губернатора 2802 р., столовых — 3396 р. 72 к., на разъезды — 1715 р. 40 к. и «прибавочных лично ему» 15 000 р. Итого 24 308 р. 37 к. Оно вполне сопоставимо с жалованием его преемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разнице, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину — 1017 р., по званию — 2082 р., столовых — 3362 р. 40 к., добавочного содержания — 147 000 р. и 1715 р. 40 к. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 р. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2000 р. в год. Таким образом, несмотря на определенные различия, размер жалованья генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но и главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае

нельзя. В выполнении этих неуставных обязанностей немаловажную роль играли культура самого генерал-губернатора, членов его семьи, в первую очередь жены, умение общаться с людьми, стремление быть всегда на виду или, наоборот, отсутствие оного...

Изучение жизненного пути сибирских генерал-губернаторов позволяет утверждать, что большая часть из них были людьми незаурядными. Попав в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из дох довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились. Настоящими радетелями интересов этого края, поборниками развития культуры и образования, нравственного совершенствования всего сибирского общества. В начале XIX в. собственной интеллигенции в Сибири практически не было. Ее отсутствие в определенной степени компенсировалось чиновничеством. Генерал-губернаторы как бы олицетворяли этот высший чиновничий мир, которому стремились подражать и в известной мере даже копировать. Разумеется, каждый генерал-губернатор вел себя индивидуально. Однако сама должность диктовала ему определенные каноны общественного поведения, за соблюдением которых незримо, но очень внимательно следило местное общество. В этом проявлялось нравственное влияние личности генерал-губернатора на окружающих его людей.

Ю.А. ЗУЛЯР

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ТРАНСБАЙКАЛЬСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ДВАДЦАТИЛЕТИЕ РАЗОЧАРОВАНИЙ И ПАРАДОКСОВ

Социально-экономические и политические катаклизмы середины 1980-х—начала 1990 г. вызвали системный кризис российской экономики. Его жертвой стало все народное хозяйство, и, прежде всего, сельскохозяйственная отрасль. Можно глубокомысленно рассуждать о том, что советское сельское хозяйство было искусственным образованием, неразрывно связанным с политической системой и поэтому не поддающимся реформированию, следовательно, и крах его закономерен, и его следует принять как данное и неизбежное.